

ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ И ЖИВОТНЫМИ. ВОПРОСЫ ЭТИКИ

© 2017

У. Вольф

Вольф Урсула — профессор философии Университета Мангейма (Германия). В журнале “Человек” публикуется впервые.

Перевод статьи осуществлен по: Wolf U. Die Mensch-Tier-Beziehung und ihre Ethik // Texte zur Tierethik / Wolf U., Hrsg. Stuttgart: Reclam Philipp, 2008. S. 171–192.

¹ Это подчеркивает Йорг Луи [8].

1. Права и моральный статус

Действующий в настоящее время в Германии Закон об охране животных определяет цель регулирования “исходя из ответственности человека за животных как за братьев меньших, чья жизнь и благополучие нуждаются в защите” (§ 1, абзац 1). Однако провозглашенное здесь намерение законодателя сводится на нет рядом оговорок — они допускают возможность причинения страданий животным исходя из неопределенного и человекоориентированного понимания права¹. Это относится к абзацу 2 § 1 (“Никто не должен причинять животным боль, страдание или вред без веской причины”), а также к критериям “незаменимости” (§ 7 п. 2) и “моральной приемлемости” (§ 7 п. 3), которые оправдывают эксперименты на животных. Человеку же не следует причинять страдание даже при наличии **веских** причин, т.е. надобности в подобном действии или возможной пользы от этого для других людей. Единственной уважительной причиной в последнем случае мог бы считаться моральный конфликт, то есть наличие противоположного требования с более высоким **моральным** весом.

Концептуальные противоречия в Законе об охране животных и проблемы с его реализацией осознаются в обществе. Результатом стало включение охраны животных в число провозглашаемых в Конституции целей государства. Как говорится в Обосновании к законопроекту, следует учитывать изменения в массовом сознании, требующие “предоставить защиту отдельно взятому животному” [2]. Там, где речь идет о человеческих индивидах, защита обеспечивается как правовыми, так и моральными инструментами, наделяющими индивида, соответственно, юридическими и моральными правами. Для субъектов, чьи действия регулирует мораль, это ставит границы произволу, а для объектов морали — создает охраняемые зоны, представляющие собой, по выражению Р. Дворкина, козыри, которые индивид может пустить в ход, чтобы не дать принести

себя в жертву благу других индивидов или общества в целом [5]². Такие охраняемые зоны отнюдь не абсолютны. Так, можно провозгласить право личности на такую жизнь, которая позволит ей свободно раскрывать свои способности, но это право будет ограничено наличием такого же права у всех других личностей. Решающим обстоятельством здесь является то, что ограничения не могут основываться на соображениях необходимости или пользы, а только на ссылке на какое-то другое право, равноценное или более весомое.

Если в рамках защиты прав животных действительно ставится цель предоставить защиту каждому индивидуальному животному, то под моралью применительно к животным следует понимать то же, что и применительно к людям: признание и защиту всего того, что предоставляется индивиду в форме основополагающих моральных прав. По мере обсуждения проблем этики животных менялось массовое сознание и, одновременно, в центре дискуссий все чаще оказывались концепции, основывающиеся на понятии прав животных.

Однако понятие моральных прав (в отличие от прав юридических) остается дискуссионным, и основания его неясны³. Поэтому в дальнейшем я, вслед за рядом авторов, буду трактовать моральные права функционально, что позволит использовать данное понятие без каких-то априорных ограничений и в максимально широком значении. Моральное право — это и есть то, что мораль обеспечивает всякому индивиду [16]. Оно реализуется в самой сущности морали, а именно, — в требовании считаться с интересами индивида, стремящегося к своему благу. Или иначе: понятие [морального] права — это более краткое обозначение того, как на основании моральных норм моральные субъекты должны или не должны относиться к какому-то существу и обращаться с ним; понятие права определяет вес, который моральные нормы имеют сравнительно с другими нормами и целями действий, например, с теми же разумными основаниями.

Следующие соображения вытекают из основополагающей концепции прав и функционального понимания моральных прав. Они предполагают также, что в общественном сознании определен некий необходимый этический минимум с четко очерченными пределами того, что мы можем делать по отношению к животным. Такие пределы как раз и формируют права в их функциональном понимании. Из этого следует, что мы переходим от защиты животных к признанию их собственных прав в таком же смысле, в каком мы говорим о правах людей. Но нельзя ли и при этом отстаивать распространенную точку зрения, что вес прав животных меньше, чем вес прав людей; что конфликты между моральными требованиями, касающимися интересов людей, с одной стороны, и животных, — с другой, постоянны и неизбежны и что в случае такого конфликта требования человека всегда превалируют?

² Дворкин говорит здесь как о политических, так и о моральных правах.

³ Основные обоснования естественных прав человека Козн приводит в [2].

Чтобы оценить обоснованность данного аргумента, нужно задаться вопросом, на какие существа и каким образом распространяется сфера морали. В качестве адресатов моральных норм — субъектов или агентов, которые могут и должны соблюдать эти нормы, — могут рассматриваться только такие существа, которые способны понимать моральные принципы и применять их в своих действиях. Однако круг объектов морали, то есть тех существ, которые подпадают под защиту нравственных норм, не обязательно должен ограничиваться такими существами. Более того, объекты морали в обычном представлении включают в себя все то, на что может распространяться ее содержание. Но не попадаем ли мы в замкнутый круг? Разве, чтобы иметь возможность определить содержание моральной нормы, мы не должны заранее знать, что это такое, на чем основывается моральное отношение и уважение?

Чтобы избежать путаницы, необходимо выделить три аспекта морали: форму, мотивацию и содержание. Форму морали устанавливают такие понятия, как “норма”, “долг”, “обязательства” и т.д. Эта форма свойственна любой морали вне зависимости от ее содержания. Чем же она отличается от правовой системы, где схожие понятия также составляют центральный элемент? Отличительная черта морали относится к характеру “привязки” субъекта и к специфике его мотивации. К такой мотивации относятся социальные или религиозные санкции (реакции одобрения или неодобрения у окружающих, совесть, стыд и чувство вины, подкрепление или ущерб для чувства собственного достоинства и т.д.); альтруистические эмоции, такие как любовь, сострадание, сочувствие, в том числе и по отношению к обществу как к целому; чувство солидарности. При этом чувства эти закрепляются в нравственных установках, в идее добра⁴. Следует предположить, что для просвещенных и заинтересованных в самоопределении субъектов позитивные чувства желания пользы другому индивиду и обществу в целом играют большую роль, чем негативные эмоции страха перед санкциями: ведь только тогда, когда хочется блага для другого и благополучия общества, мораль превращается в нечто, что можно принять за собственное желание⁵.

Содержанием морали я называю то, что предписывается нормами или что субъекты уже впитали как элемент своей личности. В различных обществах оно может быть разным. Если ограничить наше рассуждение лишь просвещенными и автономными субъектами, то можно говорить о своего рода “коротком замыкании”: форма рассматривается без учета мотивационного аспекта, и из этой редуцированной конструкции делается заключение о содержании морали. Так, ряд авторов утверждает, что мораль в узком смысле не распространяется на животных, потому что те не понимают конструкции этих прав, обязанностей и т.д. и не могут действовать в соответствии с ними. Но такие конструкции в лучшем случае могут установ-

⁴ Это описание опирается на Джона Стюарта Милля [11].

⁵ См. также [21].

ливаться между людьми в виде права, обеспечиваемого принуждением, а не в виде системы морали. Последняя, когда мы не можем вывести моральные нормы из более высоких ценностей, возможна только тогда, когда мы способны к позитивным чувствам по отношению к другому и к сообществу. Основа этого, как говорит Аристотель, — дружба, а друг есть тот, которому желают всех благ ради него самого и желают, чтобы в его жизни все шло хорошо [1]. Этот же фундаментальный смысл несет и понятие сострадания у Шопенгауэра, когда он говорит, что мы в сострадании обращаемся к благу и горю другого существа [13].

Если мы говорим, что у кого-то дела идут хорошо, это обычно означает не только то, что его уважают как морального субъекта, но и то, что у него все хорошо и в других важных аспектах жизни, в том числе и со здоровьем, питанием, свободой деятельности. Содержание предписываемого моралью уважения должно распространяться на **все** эти аспекты и не может быть ограничено лишь той сферой благосостояния, в которой объект уважения выступает как моральный субъект. Это ограничение можно объяснить тем, что из него выводятся классические негативные права на свободу от посягательства (так называемые права на защиту от вмешательства), которым однозначно соответствуют индивидуальные обязанности. Право на условия, обеспечивающие благополучную жизнь, чаще накладывает обязанности на государство, а не на отдельного индивида. Чаще, но не всегда. Так, если на нашем попечении находится зависимое существо, например, маленький ребенок, который не может самостоятельно удовлетворить свои жизненные потребности, у нас существуют обязанности по уходу за ним⁶, которые не привлекают такого внимания.

Если содержание морали основывается не только на уважении другого как морального существа, но и на иных аспектах жизни, которые частично присутствуют и у животных, — то, если рассуждать непредвзято, нет никаких оснований не расширить необходимым образом это содержание. Моральные соображения должны распространяться так далеко, как только это возможно. С камнями можно и не считаться, потому что им безразлично, что мы с ними делаем. Считаться должно с живыми существами, которым это не безразлично, то есть с теми, которые могут чувствовать и страдать и у которых существует субъективное благо. Наряду с “нормально” развитыми взрослыми людьми сюда относятся маленькие дети, умственно отсталые лица и животные.

То, что существа, обладающие свойствами или способностями субъективно ощущать, хорошо им или плохо, обладают вследствие этого и моральными правами, зачастую воспринимается так, как если бы эти свойства или способности наделяли их особым статусом или положением, то есть сообщали им значимость, ценность. Это подозрительно напоминает пред-

⁶ Макинтайр подчеркивает, что у людей забота является точно таким же неотъемлемым элементом морали, как взаимное уважение между рациональными моральными агентами [9].

ставление о естественных правах. В действительности речь идет об обычных эмпирических способностях, свидетельствующих, что существо может быть объектом уважения, или, другими словами, что эти способности определяют принадлежность существ к объектам морали.

В свете вышесказанного вопрос о том, обладают ли животные таким же моральным статусом, что и человек, или их статус ниже, — центральный вопрос нынешних дебатов вокруг этики животных — лучше сформулировать по-другому: как в случае конфликта требований должны оцениваться различные, но всеми нами признаваемые моральные нормы: имеем ли мы дело с гетерогенными источниками морали, ведущими, в силу различия в их **содержании**, к неразрешимым конфликтам, или же только с расщеплением одной моральной позиции на различные нормы поведения в различных сферах жизни таким образом, что при неблагоприятных обстоятельствах или из-за ограниченности наших возможностей эти нормы не всегда оказываются выполнимы одновременно.

Что мы можем сделать, чтобы ответить на этот вопрос? Здесь хочется в качестве первого шага рассмотреть вопрос о том, каковы могут быть наши отношения с животными и какие моральные проблемы могут из этого вытекать. Поэтому я далее 1) представлю своего рода краткую феноменологию отношений человека и животных; 2) попытаюсь выработать приблизительную систематику существующих моральных отношений и 3) рассмотрю вопрос, можем ли мы всего несколькими нравственными понятиями охватить различные отношения или же допустимы какие-то другие варианты классификации различных моральных аспектов.

2. Формы взаимоотношений человека и животных

Прежде всего можно выделить: а) наше отношение к животным, которые живут в человеческом сообществе, б) наше отношение к диким животным.

а) животные в человеческом сообществе

Здесь следует различать два типа ситуаций: (i) животные-компаньоны и (ii) используемые животные.

(i) Совместная жизнь. Первым животным, ставшим спутником и помощником человека и живущим рядом с ним, был, предположительно, волк или собака [4]. Животные-компаньоны, как и все животные, изъяты нами из их естественной среды обитания, не в состоянии обеспечить себе привычные условия жизни. Поэтому к ним следует проявлять не только “негативное” уважение — воздерживаться от причинения им страданий. Скорее всего, у нас по отношению к ним существует и позитивная обязанность заботиться о них, обеспечивать питанием, защищать и т.д. И это еще не все. Животные-компаньоны являются если и не членами человеческого сообщества в узком смысле

слова, то своего рода “почетными членами” морального сообщества⁷, по отношению к которым у нас есть обязанности, даже если сами они не могут иметь каких-то обязанностей в узком смысле этого слова. Между тем широко признано, что наряду с общими обязанностями по отношению к любому существу не причинять ему страданий или не посягать на его свободу без вехской причины, мораль включает и определенные специальные обязанности, существующие только в отношении тех или иных конкретных существ. Это обязательства, вытекающие из каких-то действий, которые генерируют отношения. Особое обязательство возникает, например, когда дается обещание, но также и тогда, когда посредством каких-то наших действий порождаются ожидания или когда такие ожидания возникают по типу взаимодействия, поддерживающегося между людьми при близких отношениях родства, дружбы, соседства и т.д.

Это же возможно и в отношении животных-компаньонов. У кого-то есть особые обязательства в отношении собственной собаки, которых нет по отношению к чужой, поскольку у собственной собаки в силу совместного проживания сформировались на этот счет особые ожидания. Хотя собственное животное не может испытывать разочарования оттого, что хозяин проявляет аналогичное отношение к чужому животному, это животное, тем не менее, может страдать из-за недостатка расположения и внимания со стороны “своего” человека, которых ожидает в силу привычки. Иными словами, здесь страдание связано со взаимностью отношений, а не с какими-то обстоятельствами животного “самого по себе”.

Таким образом, в случае животных-компаньонов, где отношения между людьми и животными настолько тесны, насколько это можно представить, просматриваются следующие моменты: во-первых, нормы, запрещающие нарушать благополучие (и здесь опять следует обратить внимание на конкретные требования: не причинять боль, не вызывать беспокойства, не препятствовать активному образу жизни и т.д.); во-вторых, обязанности заботиться о зависимых существах (кормить, обеспечивать кровом и т.д.); в-третьих, специальные обязательства, конкретное содержание которых вытекает из наших прежних действий, породивших специфические ожидания (например, обращать на животное внимание, хвалить его, играть с ним, гладить и т.д.).

(ii) Использование животных. В качестве полезных животных держат, в основном, тех, которые предназначены для производства продуктов питания, а также тех, кого используют в научных целях. Как и животные-компаньоны, полезные животные подпадают под действие моральных норм, защищающих благополучие существ. На них распространяются и обязанности владельцев по уходу за ними. Так как между владельцем и полезным животным не обязательно существует личное взаимодействие, особые обязанности хоть и появляются, но уже носят другой характер. Правда, можно усмотреть особый вид обя-

⁷ Эту формулировку использует Р. Скраттон [14].

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

зательств в том, что при существовании, якобы, договорных отношений между неравными партнерами мы, в качестве ответной услуги за потребленные блага, обеспечиваем животных средствами к существованию⁸. Однако это нельзя обосновать, т.к. курица в клетке на птицефабрике не имеет понятия о заключенном с ней особом соглашении. У животных может развиться неявное понимание взаимных отношений, как это обычно происходит в случае (i), но не понимание формальных договорных отношений. Поэтому здесь, присутствуют, во-первых, негативные обязанности и, во-вторых, обязанности по уходу. Последние мы несли бы даже в том случае, если бы животное, которое мы сделали зависимым, не приносило никакой пользы. Поэтому модель квази-договора необязательна.

б) дикие животные

Здесь опять-таки можно различать несколько видов отношений: (iii) мы вступаем в отношения с дикими животными в целях их использования, например, во время охоты; (iv) между нами и дикими животными, являющимися элементом нашей окружающей среды, складываются отношения общности или, чаще, конфликта интересов; и (v) у нас с ними нет никакого конкретного соприкосновения, нас связывает лишь сосуществование на Земле.

(iii) Использование. Раньше люди охотились на животных других видов ради их мяса, меха или для использования каким-либо другим способом. Это, конечно, ставит меньше проблем, чем промышленное содержание животных или их использование в научных целях, потому что до момента вмешательства человека животные жили на свободе. В этом случае применяется норма, требующая не причинять страдания без веской причины. Так как животное, на которое охотятся, испытывает страх, то всё говорит против такой формы использования животных. Если же убийство диких животных может происходить внезапно и безболезненно, возникает вопрос, распространяется ли в этом случае на животных запрет на убийство.

Принципиально нет никаких оснований для заботы о диких животных. Косвенные причины для того, чтобы взять на себя определенную заботу о диких животных, рассматриваются в разделах (iv) и (v).

(iv) Конфликт интересов. Группы людей всегда конкурировали с животными в их общей среде обитания за жизненное пространство и пищу, как конкурировали они с другими человеческими группами и как конкурируют между собой животные разных видов. Здесь перед нами то, что называется конфликтом интересов. Правильное, с точки зрения морали, разрешение подобного конфликта заключается в выработке компромисса, приемлемого для всех сторон. Там, где стороной конфликта являются животные, мы сталкиваемся с невозможностью выработать с ними компромисс, при котором каждая из сторон идет на уступки и ее интересы могут быть удовлетворены в той мере, в ка-

⁸ Такую трактовку я предлагала в [20].

кой это совместимо с интересами другой стороны. Следовательно, мы можем только учесть должным образом их интересы, а затем уже навязать им найденный компромисс.

Животные могут, в отличие от человека, не испытывать страданий оттого, что “другая сторона” не признает их существами со схожими требованиями полноценной жизни и оттого, что они не участвуют в обсуждении возможности разрешения конфликтов интересов. Но вот, когда в результате конфликта мы лишаем животное таких средств к существованию, как пища или пространство, оно может очень сильно страдать. Поэтому здесь также применим запрет на причинение страдания, но с той разницей, что, в отличие от ситуации пункта (iii), здесь определенное причинение страдания неизбежно, если только мы не будем готовы жертвовать нашими собственными интересами. Вероятно, можно провести различие между краткосрочными страданиями и длительным воспрепятствованием благополучию. Если, например, при возделывании земельного участка мы лишаем каких-то животных жизненного пространства, — это представляется оправданным, если испуг будет преходящим и животные смогут сменить место обитания. В этой связи могут возникнуть некоторые обязанности заботы о тех животных, которые испытывают трудности в поиске других источников пищи или жизненного пространства, то есть обязанности, по крайней мере, на начальном этапе помогать им в этом.

(v) Сосуществование. В принципе, можно представить себе отношения простого сосуществования на Земле между человеком и каким-то другим видом без всяких контактов. Но в реальности человечество изменило Землю и природу настолько, что это, вероятно, оказывает воздействие на все виды. Экспансия и особенности образа жизни человечества продолжают сокращать пищевые ресурсы и жизненное пространство для животных, ухудшают климатические условия и т.д. Эти воздействия влияют на животный мир в целом, но не всегда ясно, какие именно животные страдают от человеческой деятельности и ущемляются. Здесь невозможно установить конкретные обязательства отдельных людей, как в пункте (iv), где интересы определенных людей и определенных животных находятся в прямом конфликте. Здесь можно только принять совместные общие меры по заботе, организовать охраняемые зоны для животных, сохранить максимальное количество ниш для диких животных и т.д. Поскольку это является моральной необходимостью, то относится к индивидуальным животным (хотя и неопределенному кругу животных), потому что именно они страдают от препятствий для благополучной жизни. Можно также считать важным сохранение видов, но вид как таковой не может страдать от чего-то и субъективно испытывать благополучие/неблагополучие, на чем могли бы основываться моральные требования защиты и заботы. В современных условиях попытки не создавать животным невыносимую жизнь связаны, в основ-

ном, с тем, что мы в пункте (iv) индивидуально и в пункте (v) коллективно проявляем определенную заботу. Правда, забота эта не такая всеохватывающая, как в случае с одомашненными животными, она состоит в первоочередной помощи в условиях, при которых животные могут продолжать жить свободно.

3. Измерения морали

При описании различных отношений “человек—животное” мы сталкиваемся со следующими аспектами морали: негативная обязанность уважать благополучие или, говоря короче, уважение прав животных; забота о животных; особые обязанности по отношению к животным. Для того, чтобы получить полное представление о морали, мы должны признать еще такие аспекты, которые существуют только между моральными субъектами. Особенно это касается взаимной готовности моральных агентов считаться друг с другом. Существуют ли какие-либо другие измерения морали, и как их можно выделить?

Отходя от классических теорий морали, где в центре стоит только один основной принцип, современные авторы часто пользуются сразу несколькими измерениями. Р. Скратон перечисляет их в порядке значимости, с точки зрения кантовского нравственного закона (или в рамках системы прав и обязанностей)⁹: добродетель, сострадание и почтение и благоговение. С. Сапонцис [12] проводит различие между моральностью, облегчением страданий и справедливостью. М. Мидгли [10] разделяет облегчение страданий и сострадание, с одной стороны, и особые обязанности, — с другой. А. Макинтайр [9] проводит различие между моралью независимых рациональных агентов и моралью заботы. М. Уаррен [17], ориентируясь на понятие морального статуса, выделяет одновременно семь моральных принципов, к которым, в числе прочих, относятся принцип уважения к жизни и внимание к окружающей среде. Можно ли привести в какую-то систему эти частично схожие, а частично различающиеся определения?

Нравственный закон, справедливость и моральность рациональных агентов можно свести к одному пункту, который, с одной стороны, относится к форме морали, а с другой — становится элементом ее содержания. К форме относится то, что считается реализацией моральных норм: моральные агенты предъявляют друг другу моральные требования, что составляет основу отношений взаимного признания. Из содержания морали следует, что моральный агент должен признать всех прочих моральными субъектами, поскольку это является важнейшим условием их хорошей жизни. К животным этот элемент содержания морали не применим.

Тогда мы можем отождествить добро и моральность. Они относятся к моральной мотивации, но, как говорилось выше, связаны также с формой и содержанием морали. Ведь форма реали-

⁹ Моральный закон, который Скратон в главе 6 своей книги [14] называет первым источником морали, в [15] заменяется в этом качестве калькуляцией прав/обязанностей.

зается самостоятельно только тогда, когда она связана с позитивными мотивами, прочно закрепленными в принципе добра. Этими мотивами являются безразличное отношение к благополучию других существ и к разумной структуре сообщества.

При этом мотивационная составляющая влияет на содержание морали приводя ее нормы в согласие с неоднократно упоминавшимся здесь требованием предотвращать или облегчать страдания, а также с требованием сострадания. Иными словами, содержание моральных норм должно быть устроено так, чтобы гарантировать уважение к благополучию всех существ, применительно к которым это понятие имеет смысл, будь то животное или человек. Как это следует понимать?

По общему мнению, сфера морали включает в основном негативные обязанности — нормы, запрещающие ограничивать благополучие других или уменьшать его (через причинение боли, страха, стресса от лишения свободы и социальных контактов, а также пренебрежения со стороны моральных агентов), и, кроме того, нормы, требующие оказывать помощь в чрезвычайных ситуациях, а также помогать окружающим. Это распространяется на все основные составляющие благополучия. Соблюдение негативных норм обязательно по отношению ко всем существам: к окружающим и к совсем посторонним, к людям и к животным.

Неоказание помощи в случае острой необходимости морально допустимо, если мы имеем дело с существом, способным самостоятельно заботиться о себе и жить своей собственной жизнью. Но многие, кто в целом подпадает под этот критерий, живут в условиях, не сулящих им никаких перспектив хорошей жизни. Для таких случаев следовало бы установить позитивные обязанности по созданию минимальных условий, обеспечивающих возможность хорошей жизни. Однако такая обязанность может быть ограничена рамками индивидуальной морали. Согласно общепринятому мнению, существуют дополнительные обязательства по отношению к окружающим, однако они слабее, чем негативные обязательства и носят подчиненный характер по отношению к ним. Потому что, будь такие обязательства слишком сильными, подчиняющийся им индивид был бы вынужден отказаться от стремления к собственному благополучию. Следовательно, считается, что индивиды, действительно, несут моральную обязанность вносить определенный вклад в улучшение условий для всех (например, внося жертвования). Сила таких индивидуальных обязанностей остается неопределенной, а у нуждающихся в помощи нет законных прав по отношению к другим индивидам. Если мы утверждаем, что у этих нуждающихся есть моральное право требовать для себя минимальных условий благополучия, то данное требование должно адресоваться обществу. Но это уже выходит за пределы теории морали и касается вопросов политической философии, которые мы здесь не рассматриваем.

Моральным правам людей и животных, которые не в состоянии сами заботиться о качестве своей жизни, но при этом способны субъективно ощущать благополучие/неблагополучие и являются, таким образом, объектами морали, чаще всего соответствуют индивидуальные обязанности проявлять заботу¹⁰. Так, согласно общепринятым представлениям, родители обязаны заботиться о младенцах, а владелец животных несет ответственность за их содержание. Существование особых обязанностей вытекает из отношений между индивидами.

Но специальные обязанности не ограничиваются заботой. В чем именно они состоят и чем являются — вопрос спорный¹¹. Очевидно, они возникают тогда, когда два (или более) индивида вступают между собой в отношения. Это может происходить явно или неявно. Когда одна личность дает обещание другой, она тем самым порождает обязательство сдержать обещание. Когда две личности начинают дружить и сотрудничать, возникают взаимные ожидания сотрудничества и в будущем. Если кто-то рождает ребенка, он тем самым берет на себя конкретное обязательство его вырастить. Как показывает последний случай, существо, по отношению к которому принимается обязанность, не обязательно должно это сознавать. Но тогда особые обязанности могут существовать и по отношению к животным. При вступлении в определенные отношения формируются, очевидно, и позитивные обязанности по обеспечению благополучия, которых просто не существовало бы в отношении кого-то другого. Если негативные нормы могут действовать в отношении любого из других, то мораль, позитивным образом требующая от всех содействовать чужому благополучию, нереализуема, во-первых, потому, что к индивидам в этом случае предъявлялись бы завышенные требования, во-вторых, потому, что такие действия индивида, не располагающего полным знанием об интересах благополучия других, вели бы к нарушению их воли. Этот недостаток до некоторой степени компенсируется существованием сети особых обязанностей. Эти обязанности несут не все по отношению ко всем: каждый несет их по отношению лишь к некоторым из окружающих. Посредством такой сети коммуникативных или интерактивных отношений с окружающими возможна взаимная поддержка в достижении благополучия.

Из названных выше аспектов морали нерассмотренными остались уважение к жизни, внимание к экосистеме и почтительность. Они, в свою очередь, могут быть сведены в одну категорию. Если при этом ориентироваться на категорию почтительности, то можно говорить о чем-то вроде благоговения перед тем, из чего мы вышли — перед природой и миром живых существ¹². Такое благоговение, как представляется, проявляется в контексте морали и некоего морального феномена пределов, или границы. Оно представляется первичным по отношению к установке, в рамках которой осознается интеграция в целое,

¹⁰ У зависимых существ, у которых ни с кем нет отношений, должно было бы появиться объективное притязание на заботу со стороны общества, по аналогии с людьми с ограниченными возможностями, не имеющих близких родственников. Это опять же создает проблему политической справедливости. В данном случае данный вопрос можно не рассматривать, поскольку используемые и домашние животные состоят в отношениях с конкретными людьми, которым они принадлежат.
¹¹ Обзор дискуссии представлен в [7].
¹² Можно также говорить о позиции смирения, как это делает Д. Кулер [3].

и не связывается с очевидными и понятными содержательными нормами, относительно которых поддерживается общее согласие¹³. Буквальная реализация такой установки в содержании моральных норм лишила бы нас всех возможностей действия.

И в вопросе о том, насколько широко следует руководствоваться именно этой установкой, мнения сильно расходятся. Поэтому кажется почти бессмысленным считать ее моралью в узком смысле непосредственного руководства к выработке общих правил поведения. Применительно к отношению к животным это означает, что вопросы, которые относятся ко всем видам животных, — это вопросы не морали в узком смысле слова, а экологии. Иными словами, в контексте наших рассуждений о моральной защите животных их можно исключить из рассмотрения.

В морали присутствуют такие аспекты, как предотвращение страданий, забота и особые обязанности. Они поддаются интегрированию на основе того, что все они, при различии подхода, основываются на цели благополучия существ, способных ощущать субъективное благополучие/неблагополучие. Содержание морали всегда заключается в том, чтобы не препятствовать индивидуальному благополучию или, в той или иной мере, содействовать ему. Различия моральных прав и обязанностей возникают в силу различия способностей, жизненных условий и отношений индивидов. Мне кажется, что, поскольку это не параметр, поддающийся количественной оценке, а обычные эмпирически фиксируемые свойства и отношения, то нет смысла предполагать у по-разному устроенных существ какие-то различия в моральном статусе, то есть в ценности или ранге. Объектами морали являются все существа, о которых вообще можно говорить в терминах субъективного благополучия, и все они равны. Различия возникают вследствие названных выше свойств: ведь существо подпадает под соответствующие нормы лишь постольку, поскольку обладает значимыми, с точки зрения этих норм, свойствами. Тот факт, что ребенок имеет право на образование, а животное — нет; что домашнее животное имеет право на получение корма, а дикое — нет, не означает, что они обладают различной моральной ценностью. Все дело в том, что у них разные *способности*, или что они состоят с нами в разных *отношениях*.

И хотя при сравнении моральных объектов между собой ранжирование и предпочтение неуместны, порядок приоритетов, тем не менее, играет определенную роль в оценке моральных действий. Ведь в сложных ситуациях различные аспекты морали могут вступать в противоречие друг с другом и предъявлять требования к различным сторонам содержания понятия благополучия, которые не всегда возможно согласовать между собой. Примером последнего является спорный вопрос медицинской этики, следует ли ограждать пациента от плохой информации о его состоянии здоровья или нужно уважать его свободу воли. О конфликте прав различных индивидов упоминают многие авторы, обсуждая допустимость экспериментов на жи-

¹³ Если абстрагироваться от правил отношения к умершим, которые можно бы рассматривать как своего рода отзвук требования уважения живых. Как пишет Скратон [14. Р. 65], эта установка недоступна разуму и лежит в трудно постижимой сфере, более базовой, нежели мораль.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

вотных. Так что запрет на причинение страдания животным войдет в конфликт с нашими особыми дополнительными обязанностями по отношению к особям собственного вида. В таких ситуациях при принятии решений всегда возникает вопрос, какое же действие является наилучшим или наименее дурным.

Какими критериями мы располагаем, чтобы оценить это? Скратон утверждает, что в конфликтной ситуации вообще (в том числе и в случае конфликта между людьми) приоритет имеют требования нравственного закона, затем следуют требования добра, сострадания и, наконец, почтительности и благоговения. Другие авторы, например, Беккер и Броуди¹⁴, считают, что люди имеют приоритет перед животными, потому что у нас есть особые обязанности перед людьми как существами особым нашего собственного вида.

Если единственной смысловой точкой отсчета в морали оказывается благополучие отдельного индивида, то нет оснований отказываться от этого подхода и применительно к тем компонентам благосостояния, которые являются общими для нас и для животных. Например, когда мы, отказываясь распространить на животных запрет на причинение страданий, ссылаемся на более низкий статус животных, то мы вообще не рассматриваем их как объекты морали: ведь ни формальная, ни мотивационная сторона морали не предполагают подобного различия. И, как хорошо понимает Мидгли, не всегда очевидно, что выход из возникшего конфликта состоит в решении в пользу человека. Ведь мы нечасто оказываемся с животными в условиях переполненной спасательной шлюпки, когда доплыть до безопасного места можно, только выбросив за борт животных (или, соответственно, пожертвовав их интересами).

Но как же вести себя в случаях, когда конфликт реален? Можно ли тогда утверждать, что интересы животных должны, как правило, уступать правам человека, потому ли, что у людей действует закон нравственности, или потому что обязанности, которые мы несем в рамках своего собственного вида, важнее? И против этого у Мидгли имеются убедительные возражения. Она указывает, что в некоторых ситуациях мы, несмотря на большую близость к особям собственного вида, склоняемся, скорее, к тому, чтобы не причинять страдания животным или помочь им в случае крайней необходимости, а не следовать обязанностям по отношению к людям. Представим, например, ситуацию, когда прохожий видит попавшую под автомобиль собаку и пытается ей помочь, хотя из-за этого рискует опоздать на день рождения своего дяди или вообще пропустить его, хотя и обещал прийти. Долг помощи в чрезвычайной ситуации может перевесить какую-то особую обязанность, а также требование нравственного закона между людьми [10, р. 31]. Пример ясно показывает, на чем может быть основано подобное предпочтение, — на весомости страдания в сравнении с незначительностью обещания в данном конкретном случае. Или, точ-

¹⁴ Предложение рассматривать моральный закон, требование взаимоуважения и взаимные обязательства, существующие между субъектами морали в соответствии с моделью особых обязанностей между существами своего вида, заслуживает более тщательного анализа. Но эта тема относится к проблемам общей моральной философии, на которых я здесь не останавливаюсь.

нее, на соотнесении страданий собаки с сожалением дяди в терминах благополучия каждого из них.

Поэтому в случае морального конфликта исходным пунктом оценки может быть только благополучие существ, пострадавших в результате каких-либо действий или событий, и вопрос должен заключаться в том, насколько значимо в каждом случае страдание, унижение, ограничение свободы и т.д. для благополучия различных существ. Там, где страдания в фундаментальном физическом смысле долго и весомо снижают благосостояние существа, на первое место выдвигается требование не допустить этих страданий, или, если мы уже столкнулись с их присутствием, — оказать экстренную помощь. По моему мнению, именно требование экстренной помощи должно иметь преобладающий вес в случае, если оно случайно придет в конфликт с другими требованиями. Между страданием, которое мы причиняем животным, проводя на них эксперименты, и помощью больным людям, рассчитывающим на результаты этих экспериментов, такого рода конфликта нет¹⁵. Ведь эксперимент над животными не является средством помощи конкретному человеку в конкретной чрезвычайной ситуации. Кроме того, мы помещаем животных в ситуацию, при которой им причиняются страдания. Содержание же индивидуальной морали состоит в защите именно благополучия индивидов, способных на субъективное благополучие/неблагополучие, а не какой-то утилитарно рассчитанной суммы совокупного счастья, ради которой индивидов приносят в жертву¹⁶. Но даже в этом последнем случае, в котором явно видна подтасовка, утилитарному расчету ставится явный недвусмысленный предел в виде идеи моральных прав — ведь предпосылкой любого вида благополучия представляется отсутствие невыносимых физических страданий и серьезного ущерба здоровью, препятствующих полноценной жизни.

Более подробное описание процедуры анализа потребует обсуждения конкретных конфликтных ситуаций с описанием точных ситуативных факторов. Задачи же данной статьи ограничиваются разъяснением основных принципов морали в отношениях к животным. Мы показали, что причина сложности и многокритериальности морали лежит не в существовании разных источников содержания морали¹⁷: во-первых, феномен морали является сложным понятием, указывающим на разные аспекты формы, содержания и мотивации; во-вторых, содержание морали, состоящее в обеспечении субъективного благополучия индивидов, — это комплексное понятие: оно включает в себя измерение страданий, участие, социальность и т.д.; в-третьих, отношения которые поддерживаются между индивидами в связи с их благополучием в зависимости от их способностей, жизненной ситуации и близости, имеют разные предпосылки и разные следствия.

Перевод Д. КОЖЕВНИКОВА

¹⁵ Этот аргумент (который я детально развила в [18], относится лишь к тем экспериментам, в которых животным причиняется страдание. Он ничего не говорит о том, является ли морально дозволенным убивать животных в экспериментах (либо для других целей), не причиняя тем боли и страха (если допустить, что это возможно). Применимость запрета на убийство животных зависит, прежде всего, от того, обусловлены ли соображения, требование такого запрета соображениями благосостояния животного. Если мы полагаем, что запрет связан со способностью животного явным образом осознавать собственную жизнь, то для большинства животных, возможно, за исключением приматов и дельфинов, он не действует.

С другой стороны, создается впечатление, что запрет на безусловное умерщвление животных вытекает не из идеи защиты животных. Если он не следует из смысла моральных соображений, то, скорее всего, он связан с мотивационной стороной морали. Если мы по придерживаемся позиции уважения к животным и не хотим, чтобы им причиняли ненужные страдания, то тогда благополучие животных важно, а заинтересованность в благосостоянии животных предполагает и заинтересованность в их жизни. Тот, кто имеет мотивационную установку сострадания к животным, тем самым обладает неявной мотивацией сохранения их жизни.

¹⁶ См. также [14. P. 60].

Литература

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

1. *Aristoteles*. Nikomachische Etik / Übers. vom U. Wolf Reinbek: Rowohlt, 2006. S. 21.
2. *Cohen C., Pegan T.* The Animal Rights Debate. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001. P. 32–34.
3. *Cooper D.E.* Intervention, humility and animal integrity // *Animal Biotechnology and Ethics* / Ed. by A. Holland and A. Johnson. London: Chapman and Hall, 1998.
4. *Dinzelbacher P.* Mensch und Tier in der Geschichte Europas. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2000.
5. *Dworkin R.* Bürgerrechte ernstgenommen / Übers. vom U. Wolf. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. S. 433.
6. Gcsetzescmwiirf vom 23.4.2002. Drucksache 14/8860.
7. *Jeske D.* Special Obligations // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Stanford University Press, 2002.
8. *Luy J.* Tierschutzethik aus amtstierärztlicher. Sicht Interdisziplinäre Arbeitsgemeinschaft Tierethik // *Tierrechte. Eine interdisziplinäre Herausforderung*. Erlangen: Harald Fischer Verlag, 2007. S. 198–205.
9. *MacIntyre A.* *Dependent Rational Animals*. London & New York: Routledge, 1999.
10. *Midgley M.* *Animals and Why They Matter*. Athens (Georgia): University of Georgia Press, 1983. Chapter 2.
11. *Mill J.S.* *Der Utilitarismus*. / Übers. und hrsg vom D. Birnbacher. Stuttgart: Reclam, 2006. Kap. 3.
12. *Sapontzis S.F.* *Morals, Reason and Animals*. Philadelphia: Temple University Press, 1987. Chapter 6.
13. *Schopenhauer A.* *Preisschrift über die Grundlage der Moral* // *Werke* / Hrsg. vom L. Lütkehaus. Zürich: Haffmans, 1988. Bd. 3. S. 562, 564.
14. *Scruton R.* *Animal Rights and Wrongs*, London: Continuum, 2000. P. 83.
15. *Scruton R.* *Die Quellen moralischen Denkens* // *Texte zur Tierethik* / Hrsg. vom U. Wolf. Stuttgart: Phillipp jun. GmbH Verlag, Reclam, 2008.
16. *Tugendhat E.* *Vorlesungen über Ethik*, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1993. S. 346.
17. *Warren M. A.* *Moral Status. Obligations to Persons and Other Living Things*. Oxford: Oxford University Press, 1997. Chapter 1–6.
18. *Wolf U.* *Das Tier in der Moral*. Frankfurt am Main: Klostermann, 2004. S. 4–5.
19. *Wolf U.* Für Tiere nur Mitleid? Überlegungen zu den Quellen der Moral // *Ernst Tugendhats Ethik. Einwände und Erwidern* / Hrsg. vom N. Scarano und M. Suarez. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2006. S. 77–79.
20. *Wolf U.* *Leben mit Tieren. Die Hauptformen und ihre ethischen Implikationen* // *Mensch und Tier. Geschichte einer heiklen Beziehung* / Hrsg. vom ZDF-Nachtstudio, Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 2001. S. 40–59.
21. *Wolf U.* *Tugend und Glück. Was Platon und Aristoteles lehren* // *Glück und Gerechtigkeit. Moral am Ende des 20. Jahrhunderts* / Hrsg. vom R. Stäblein. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1999. S. 27–40.

¹⁷ Это я отмечала в кн.: Ursula Wolf Für Tiere nur Mitleid? Überlegungen zu den Quellen der Moral // Nico Scarano / Mauricio Suarez (Hrsg.), Ernst Tugendhats Ethik. Einwände und Erwidern, München, 2006. С. 77–90.

Автор выражает благодарность Урсуле Бауманн (Ursula Baumann), Вальтеру Пфаннкухену (Walter Pfannkuche) и Йоргу Шаубу (Jörg Schaub) за полезное обсуждение первой редакции данной статьи, которое помогло прояснить ряд моментов.